

Едва юноша с облегчением улыбнулся, как мир вокруг него безумно завертелся.

«Опять! Ну конечно!»

С его губ чуть было не сорвалось грязное ругательство, но, обведя взглядом до боли знакомые декорации, он лишь бессильно зажмурился. Разве что тотем на тыльной стороне ладони — оскаленная призрачная маска — беззвучно, но яростно выл, мысленно изрыгая отборную брань.

Не стоило праздновать победу на полпути.

Прежде петля времени затягивалась в самый миг запечатывания призрачного ущелья. На сей раз ему удалось довести дело до конца, но итог остался неизменным. Где же скрывается разгадка? Как вырваться из этого замкнутого круга?

Унылые безбрежные пустоши Океана Руин Демонов были слишком однообразны. Здесь не существовало ни солнца, ни луны, ни самого течения времени, и поначалу юноша не мог понять, вернулся ли он назад или застрял в настоящем. Однако теперь у него имелся надежный ориентир — якорь, способный подтвердить возвращение.

Запустив руку за пазуху, он извлек знакомый, еще целый черепаший панцирь.

Все верно. Он снова в исходной точке.

Привычным движением зажигая на кончике пальца крошечный, похожий на свечной огонек, юноша поднес его к кости, выбрав для прокаливания еще не тронутый жаром край. Спустя мгновение раздался сухой щелчок: на панцире пролегла свежая, тонкая, как волосок, трещина.

— Уже сотый раз гадаю, а расклад все тот же... — юноша усмехнулся, разглядывая знакомый узор трещин. — Знамение очевидное, так почему же шаманский бог сам не явится и не укажет мне путь? В этом проклятом Океане Руин Демонов нет ничего, кроме неприкаянных душ да порождений Великого зла. Нельзя ли мне отказаться от этого «судьбоносного союза»?

Конечно, на другом конце нити мог оказаться и живой человек. Вот только безумцы, отваживающиеся явиться в Океан Руин, порой куда опаснее и страшнее любого чудовища.

Спрятав панцирь обратно за пазуху, юноша уставился в темные провалы трещин под ногами, ожидая, когда пространство вновь окрасится багровым светом и его затянет в чужой морок.

Океан Руин Демонов служил пристанищем для несметного числа душ, сгинувших во времена Великого катаклизма. Плутая в вечной тьме, они порождали совокупные грезы — кошмары мертвецов, способные затянуть в себя любое живое существо. Эти аномалии дышали, двигались и ширились, отравляя первобытной скверной еще не тронутые земли и города.

Подобное бедствие не отличалось стремительной яростью, но наносило самый глубокий, непоправимый урон.

Стоило земле пропитаться ядом пустошей, как она становилась мертвой для всего живого. И даже последующее изгнание призраков не могло вернуть ей прежнюю силу. Шаманское царство тратило колоссальные ресурсы, чтобы сдерживать аппетиты Океана Руин Демонов — куда больше, чем на охрану рубежей у восточного Безлунного моря.

При мысли об этом юноша помрачнел. Он прижал ладонь к тотему на тыльной стороне другой руки. В то же мгновение исполинская призрачная маска взмыла ввысь и зависла под темными небесами, высматривая багровые сполохи — предвестников созревающей аномалии.

Однако алый свет, который он запечатывал уже сотню раз, так и не загорелся.

Юноша долго не убирал своего призрачного стража, заставляя его кружить над пустошью, пока окончательно не убедился: багрового сияния нет. Он облегченно выдохнул. Похоже, проклятый морок наконец-то рассеялся навсегда.

Теперь стоило обыскать развалины — вдруг среди пепла уцелело что-то ценное.

В это же самое время Линь Чжао, запустив новую симуляцию, всю ночь настраивался в своем домике из скорлупы. Он без конца припадал к щелям в стенах, надеясь увидеть, как на востоке взойдет привычное золотое солнце, знаменуя начало обычного, мирного дня. Но время шло, а багровый небосвод по-прежнему венчало зловещее пурпурное светило. За порогом лежал все тот же разоренный, безжизненный мир, глухой к его чаяниям.

Линь Чжао изо всех сил оттягивал момент выхода наружу, пока внезапно не осознал жуткую вещь: он безумно хочет есть.

Голод!

Юноша готов был взвыть от досады. Прежде, в родной деревне, какими бы странными ни казались законы того мира, он всегда мог раздобыть дичи, попроситься на завтрак к соседям или пойти на охоту. Но что делать в этих проклятых землях?

Глотать призрачные маски? Наскрести чужого пепла и сварить из него похлебку? Или просто набить брюхо сухой землей, чтобы унять резь в желудке?

Он выбрался из своего убежища. От унылого вида мертвой пустоши, простиравшейся до самого горизонта, на душу навалилась беспросветная тоска.

Что ж, придется исполнить последнюю волю Дедушки шамана и отправиться на поиски Шаманского царства. Кажется, старик говорил, что оно лежит на юге?

Линь Чжао закинул голову к небу. Кроме неподвижного пурпурного солнца, выжигавшего высь, над головой расстилалась лишь крошечная, беззвездная тьма.

Он отыскал обугленный пенёк, торчащий из земли, и попытался определить стороны света по годовым кольцам. Тщетно — древесина давно превратилась в хрупкий черный уголь, стерший всякие следы древесных линий.

Линь Чжао поднялся и тяжело вздохнул, оглядывая мертвую равнину:

— Дедушка шаман, здесь ведь ни севера, ни юга не разобрать. Как мне отыскать твоё Шаманское царство?

Отчаявшись, он подобрал сухую корявую ветку и установил её вертикально на ладонь:

— Ну, дедушка, укажи мне верный путь.

Он разжал пальцы. Ветка качнулась и упала, указав в неопределённую даль.

Линь Чжао внимательно посмотрел в ту сторону. Затем снова поднял ветку, тщательно измерил угол между упавшей тенью и неподвижным пурпурным солнцем, запоминая направление, и спрятал деревяшку. После этого он призвал Золотого ворона, собираясь вскочить к нему на спину.

Однако стоило ему коснуться перьев на шее Золотого ворона, как его обдало таким нестерпимым жаром, что легкие мгновенно сдавило судорогой. Линь Чжао среагировал мгновенно и отозвал птицу, но ладони и бедра уже успели обгореть до волдырей. Разум пронзила острая, пульсирующая боль.

«Значит, моё тело ещё слишком слабо, чтобы совладать с твоей мощью?» — пришло горькое озарение.

Он тоскливо осмотрел страшные ожоги, лихорадочно соображая, чем их залечить, как вдруг спину обдал ледяной озноб предчувствия беды. Юноша вскинул голову и увидел, как с высоты на него стремительно пикирует исполинская призрачная маска.

— Некогда мне с тобой возиться, — хмыкнул Линь Чжао. — Провались ты пропадом!

Он обхватил собственную шею обеими руками и резко, со всей силой крутанул голову вбок.

Сухой, оглушительный хруст ломающихся позвонков беззвучно отозвался в черепе.

К подобной боли он давно привык. Благо очков симуляции у него теперь хватало — одной смертью больше, одной меньше, не велика потеря.

Мир покачнулся и замер. Придя в себя, Линь Чжао первым делом осмотрел руки — кожа была чистой, без единого следа недавних ожогов. Он победно улыбнулся: все-таки способность сбрасывать симуляцию — великая вещь. Ни одно целебное снадобье не сравнится по эффективности с возможностью переписать прошлое и исправить допущенные ошибки.

Даже мучительное чувство голода на время отступило.

Не теряя драгоценных мгновений, он решительно распахнул дверь и шагнул наружу.

Подобрать ветку, выверить направление по солнцу, призвать зверя Бо — все движения были отточены до автоматизма. Вскочив на спину зверя, Линь Чжао пустил его в галоп, устремляясь прочь от места, где обычно появлялась назойливая маска.

Спустя какое-то время над безмолвными руинами покинутого селения пронеслась призрачная маска. Сделав несколько кругов, она растаяла в воздухе, обратившись тусклым тотемом на тыльной стороне ладони приближающегося юноши.

Он неторопливо шел среди пепелища — статный, высокий, с тонкими, благородными чертами лица. Его длинные волосы удерживал простой венец из лазурных ветвей, украшенный каплевидным синим самоцветом, что покоился прямо посреди лба. Мускулистую обнаженную грудь скрывало массивное ожерелье в четыре ряда, сплетенное из звериных клыков, ярких перьев, резных костей и кожаных шнуров, а бедра обвивала длинная юбка, расшитая сотнями черных, как смоль, вороньих перьев.

Юноша остановился на краю разрушенной деревни. Сложив ладони на груди, он трижды благоговейно поклонился усопшим и лишь после этого перешагнул невидимую границу поселения.

Его взгляд сразу зацепился за странное сооружение — высившееся посреди руин подобие гигантской яичной скорлупы. Не спеша приближаться к подозрительной аномалии, он принялся искать костяные книги. Ему повезло: вскоре в пепле отыскалась костяная книга, принадлежавшая местному старому шаману. Великие служители культа испокон веков записывали самые важные откровения на пластинах из костей, дабы через них говорить с богами. Перед тем как спуститься в эти мертвые земли, юноша получил наказ собрать как можно больше подобных манускриптов.

Проведя длинными тонкими пальцами по костяным пластинам, он без труда распознал древние письмена. Это был ритуальный фолиант, использовавшийся жрецами Шестого шаманского бога еще до начала Великого катаклизма. К счастью, этот диалект юноша знал. Когда разразилась катастрофа, множество тайных искусств и шаманских рун в один миг превратились в мертвые знаки, разгадать которые теперь не под силу ни одному живущему. И все же ключ к спасению лежал именно в тайнах прошлого, и юноша надеялся отыскать хоть какую-то зацепку.

«Перед самым катаклизмом Шестой шаманский бог отправился на помощь Пятому шаманскому богу У, да так и не вернулся... Что же тогда стряслось?» — юноша вчитывался в скрытые символы, проступавшие на костях.

«... Шестой шаманский бог собрал кровь павшего Золотого ворона и возжелал сотворить новое солнце, прибегнув к Искусству вечного весеннего порождения...»

«... Но явилось Великое зло. Тринадцать великих шаманов пали в том бою. Божественные останки Золотого ворона обратились в прах, уцелело лишь одно воронье перо. Мы не оправдали доверия богов...»

Это были последние строки, вырезанные на кости.

Юноша надолго погрузился в раздумья, а затем принялся перечитывать манускрипт с самого начала. И чем дольше он вчитывался, тем сильнее становилось его недоумение.

Зачем понадобилось создавать десять яиц Золотого ворона? И для чего местному шаману тащить этот заведомо мертвый зародыш, лишенный всякой искры жизни, в южное Шаманское царство?

Он медленно перевел взгляд на высившееся неподалеку гигантское яйцо высотой в два человеческих роста.

Неужели это оно?

Внезапно юноша замер. Скорлупа была расколота, а внутри зияла пустота. Сомнений не оставалось: нечто созрело в этой колыбели и выбралось наружу.

«Так вот почему при каждом запечатывании аномалии мне преграждает путь Золотой ворон, — осенило его. — Мир породил еще одно чудовище Великого зла».

Океан Руин Демонов принял на себя первый, самый страшный удар катаклизма. Павшие тогда шаманские боги и священные звери восстали в виде жутких тварей Великого зла. Хуже всего пришлось Великому солнцу: обратившись оскверненным пурпурным светилом, оно вновь взошло на небосвод, став причиной величайшего бедствия сотворенного мира.

Если над землей взойдет еще одно маленькое, зараженное скверной солнце... Последствия страшно было даже представить.

Необходимо выяснить, можно ли еще спасти это новорожденное существо.

Юноша вновь коснулся тыльной стороны ладони. Призрачная маска сорвалась с кожи и бесшумно растаяла в вышине, приступая к поискам.

Линь Чжао неторопливо ехал верхом на звере Бо. Время от времени он натягивал поводья, чтобы заново измерить угол между сухой ветвью и висящим в зените пурпурным солнцем, усердно набрасывая на клочке кожи очертания карты местности.

Внезапно кожу на затылке стянуло от знакомого дурного предчувствия.

Резко обернувшись, он обомлел: прямо на него, стремительно разрастаясь, неслась огромная призрачная маска. Заметив беглеца, она искривила рот в издевательской, зловещей ухмылке.

Встревив старую знакомую взглядом, Линь Чжао остановил своего скакуна. Позади него мгновенно соткался и взмыл ввысь призрачный силуэт Золотого ворона. Раз уж бежать некуда, придется принять бой.

Он не стал посылать птицу в лобовую атаку, а приказал ей уйти в сторону, надеясь увлечь чудовище за собой. Но маска проигнорировала приманку. Ринувшись вперед, она в один миг опутала Линь Чжао вместе с его скакуном и стиснула мертвой хваткой.

Раздался глухой хруст ломающихся костей. Обезумев от боли, Линь Чжао изо всех сил впился зубами в серую плоть маски — та оказалась упругой, словно кусок застывшей древесной смолы. В ту же секунду перьевого тотема у него на груди вспыхнул яростным жаром. Повинуясь внезапному инстинкту, юноша выдохнул струю всепожирающего пламени прямо в призрачный лик, выжигая в нем дыру размером с кулак.

Тотем на руке юноши-жреца мгновенно занялся пламенем. Стоявший в отдалении заклинатель удивленно замер, глядя на огонь, лизнувший его собственные плечи, и негромко рассмеялся:

— Гляди-ка, а птичка-то кусаться умеет.

Венец на его голове мгновенно пустил свежий зеленый росток. Упавший на плечо сочный лист тут же затушил бушевавшее пламя.

Юноша намеревался притянуть к себе дерзкого человека, посмевшего оседлать Золотого

ворона, но в этот момент тело пленника окуталось ослепительным золотым огнем.

В следующий миг мир вокруг безумно завертелся.

И все вернулось на круги своя.

<http://bllate.org/book/20648/2119274>